

СТАСЯ МЭЛ

Айвз
и Мэллоун

фэнтези

МИО

МИФ Проза

Стася Мэл

Айвз и Мэллоун

2023

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос)6-445.13

Мэл С.

Айвз и Мэллоун / С. Мэл — 2023 — (МИФ Проза)

ISBN 978-5-00-214247-7

Кристофер Мэллоун благословлен кровью волшебного народа. Она наградила его синими глазами, что хранят свет солнца Той Стороны, и силой, о потенциале которой он не имеет ни малейшего понятия. Эбигейл Айвз – фэйри-полукровка, которая скрывает свой истинный облик под гламором. Она готова пойти на многое, чтобы воспользоваться силой Кристофера и вернуть исчезающее волшебство. А цена... разве она важна? Ведь Третья Дорога ведет их вперед, и кто знает, кого они встретят, когда зайдут слишком далеко.

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос)6-445.13

ISBN 978-5-00-214247-7

© Мэл С., 2023

Содержание

Пролог	8
Часть 1. О мечтах, что не должны сбываться	11
Глава 1	11
Глава 2	18
Глава 3	28
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Стася Мэл

Айвз и Мэллоун

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

© Стася Мэл, 2023

© Оформление. ООО «Манн, Иванов и Фербер», 2023

* * *





*Спасибо группе «Немного Нервно» за вдохновение.
Дарье – за то, что поддерживала меня и помогала с рифмами.
Елизавете, Жеке и Нае – за то, что ждали роман и помогли
ловить блох.
Екатерине Звонцовой – за мудрость и участие*

Пролог

Зима выдалась затяжная: еще в ноябре городок завалило снегом, и старики обрадовались: «Землю будто пуховой периной укрыло!» В декабре сковало жестокими морозами, и старики забеспокоились: «Ох! Деревья трещат! Как бы беды не вышло!» В январе непогода отрезала городок от остальной страны, и старики стали судачить о том, сколько людей замерзло в снегах, пытаясь выбраться. К февралю, ветреному и снежному, стариков осталось немного, да и те сидели по домам. А март хоть и позволил торговцам добраться до рынков и измученных людей, но теплом не баловал.

Все это время в графском поместье тревожились о госпоже: беременность ее проходила тяжело, а доктор не мог пробиться к ней из-за суровой погоды. Слуги говорили шепотом, граф почти не покидал спальни любимой жены, а юный Джозеф Мэллоун по ночам плакал в подушку, но тихо, чтобы никто не услышал, ведь мужчины их рода – гордые и непоколебимые. Так всегда говорил отец.

И вот, в начале апреля, когда давящая атмосфера стала совсем невыносимой, в особняке засуетились: служанки с тазами теплой воды и чистыми полотнами ткани поспешили в комнату графини. Срок подошел, и теперь решалась судьба семьи. Что будет с землями? С поместьями? С лесом и рекой, которые принадлежали роду с незапамятных времен? Со всей собственностью Мэллоунов по праву крови? Той самой крови, что давала им возможности, привилегии и защиту от нелюдей столько поколений.

*«Дорогой Уолтер,
Мне неприятно об этом сообщать, ведь я считаю себя Вашим
другом, но именно поэтому я взял на себя обязанность предупредить Вас.
Срок истекает.*

*Вы писали, что леди Эдит готовится разрешиться от бремени, но с тех
пор прошло несколько недель. Надеюсь, все хорошо, просто письма идут очень
медленно из-за этой жуткой непогоды. В любом случае я ходатайствовал
за Вас, чтобы заморозить процедуру исключения еще на три с половиной
недели. Но если ничего не изменится, то в июне Вы больше не будете членом
Палаты Лордов Основателей, а семьдесят процентов собственности семьи
Мэллоун отойдут Королевству.*

*Прошу, ответьте мне как можно скорее!
Искренне Ваш,
Арчибалд Грейсдор, герцог Грейсдор»*

Лист, исписанный убористым почерком бывшего однокурсника, занимал главное место на отполированной столешнице красного дерева и притягивал взгляд. Граф Уолтер Мэллоун решительно шагнул к столу, быстрым движением сложил послание, но убрать его в конверт смог только со второй попытки – так дрожали пальцы. Как ни старался он отвлечься, строчки все еще плыли перед глазами.

Грейсдор умолчал о том, что еще двадцать процентов владений распределят между собой члены Палаты, а всю библиотеку с книгами по теории и практике магического искусства заберет Тайная Служба Ее Величества – знания, что столетиями собирали предки, похоронят в подвалах Касла, больше никто не сможет ими воспользоваться. А что останется Мэллоунам? Жалкие гроши! И титул. Уолтер взглянул в окно – небо наконец-то сияло синевой, солнце проливало живительное тепло на парк. Эдит любила смотреть, как после зимы весна отогревает природу и аллеи стройных тополей окутываются дымкой молодой листвы. Эдит не видела

трагедии в том, что Джозеф родился *обычным*. И она не боялась, что таким же родится их второй ребенок...

А Уолтер боялся. Теперь он боялся еще и того, что жена не переживет эти роды. Поэтому, когда в коридоре раздались быстрые шаги, граф сцепил пальцы, стараясь унять дрожь, но тщетно.

Три быстрых удара в дверь. «Тук-тук-тук» – такой простой звук заставил сердце забиться еще чаще.

– Заходи.

Если бы служанка хоть немного помедлила с ответом, Уолтер, наверное, скончался бы от страха – руки и передник девушки были измазаны кровью, кое-где побуревшей. Он даже не рассмотрел ее счастливого лица!

– Мальчик, милорд! Здоровый!

Уолтер не смог сдержать прерывистого вздоха.

– Как Эдит?

– Миледи отдыхает, сэра. Очень вымоталась, но жива и скоро поправится – так сказала повитуха.

– Хочу посмотреть на сына.

Служанка присела в книксене и вышла из комнаты. Уолтер последовал за ней.

Кабинет находился в старом крыле особняка, коридор, что соединял его с новым, украшали фамильные портреты – по шесть с каждой стороны. Проходя мимо, Уолтер безучастно смотрел, как синевя глаз предков темнеет до карего, а волосы из черных выцветают в русые. В детстве он обиженно рассматривал первого Мэллоуна – его синие радужки, черные, словно крыло ворона, волосы, богатые доспехи и меч.

Особенный меч. Семейную реликвию.

Брать его Уолтеру запрещалось. Потому что он родился *обычным*. Смешно, но теперь так же рассматривал картину Джозеф. Так же расспрашивал о мече. Так же обижался, когда клинок запрещали трогать. В сердце Уолтера вспыхнула неожиданная нежность к старшему сыну. Эдит любила его беззаветно, как, наверное, все матери любят своих детей, но в душе Уолтера жило неискоренимое разочарование. Мальчик это чувствовал, но не понимал, что не так. А Уолтер не мог сказать ему, что «не так» – это их жидкая кровь.

Обычная.

Чувствовал ли отец Уолтера тоже самое? Он не знал.

– Милорд? – Кажется, служанка обращалась к нему не первый раз, но нетерпение скрывала старательно, лишь пальцы подрагивали на ручке приоткрытой двери.

– Спасибо, можешь идти.

Шаги прислуги стихли, но Уолтер все так же стоял на пороге, не решаясь его переступить. В темной спальне его ждал не только сын, но и ответ на судьбоносный вопрос. Граф Мэллоун и хотел, и боялся его получить. Наконец он собрался с духом, шагнул в комнату, где отдыхали жена и младенец. Осторожно пройдя к кровати, Уолтер всмотрелся в лицо Эдит – да, измождена, да, бледна, но видно, что сон ее крепок и целителен. Уолтер заботливо поправил одеяло, отвел с лица жены прядку волос, все еще влажную от пота, и только потом повернулся к колыбели.

Ребенок не спал. Он лежал тихо, умытый, завернутый в чистое, и изучал лицо отца своими синими глазенками. В груди Уолтера екнуло, а губы задрожали.

– Назовем тебя Кристофер, – тихо прошептал он, – в честь основателя семьи. Согласен?

Малыш молчал, теперь рассматривая что-то за спиной отца, но ослепленный радостью Уолтер этого не замечал. Он и не смог бы увидеть ни крату, стоявшую позади, ни яркие искры винки, кружившей над колыбелью, ни брауни в углу.

Старый особняк оживал. Заключенные в нем силы проснулись, готовые служить наследнику волшебной крови.

* * *

Порыв ветра разметал сухие листья по углам огромной бальной залы, в глубине которой возвышался трон. Сидевший на нем мужчина вскинул голову, прищурился и рассмеялся. Смех закружился по помещению, взлетая к высокому потолку, отражаясь от темных зеркал. В нем звучало искреннее счастье. Да, ожидание не закончилось, но появился шанс. Первый за сотни лет заточения шанс отомстить!

А если так, то *она* тоже это почувствовала. Она найдет этот шанс и приведет. И тогда... По идеальным губам мужчины скользнула жестокая предвкушающая улыбка. О-о-о, жалкие людишки ответят за то, что сотворили с ним и его сородичами.



Часть 1. О мечтах, что не должны сбываться

Глава 1



«Милая моя Мэри!

Я так рада, что ты ответила на письмо и приглашение! Конечно, я буду счастлива видеть и твою сестру, вы нас никоим образом не стесните! Жду в условленное время. На станции вас, моих дорогих гостей, встретит кучер и доставит прямо к нашему дому в Мэллоунишере. Твоя любящая подруга Джулия»

Закончив читать, Эбигейл положила лист поверх распечатанного конверта, провела по нему рукой и удовлетворенно улыбнулась: письмо вновь выглядело нетронутым. Да, это лишь гламор, иллюзия, но какая разница? Сестрица ничего не заметит и точно не отвернется – пригласили обеих Айвз. Эбигейл была совершенно равнодушна к подругам Мэри, но не собиралась упускать шанс познакомиться с виконтом Мэллоуном. Если он именно тот, кого она ищет...

Эбигейл сжала кулаки. «Рано, – сказала она себе, бесшумно выскользнув из комнаты. – Слишком рано думать об этом!»

* * *

Обычно день Кристофера начинался поздно. В конце концов, он дома, в родовом гнезде, а не в университете. Но не сегодня – в воскресенье вся семья отправлялась в церковь. Это означало ранний подъем и скучную службу с неизменно нудной проповедью пастора. Жаль, пропустить ее не получится, не сейчас, когда семью постигла трагедия и взгляды всего общества прикованы к Мэллоунам.

Он поправил шейный платок, черный, как и весь его костюм. Впереди – три месяца траура. Кристофер скривил губы: брат ненавидел мрачные цвета. Какая горькая ирония в том, что теперь они захватили всех, кого Джозеф называл «любимые». Смахнув несуществующую пылинку с плеча, Кристофер покинул комнату – карету уже подали, а значит, оттягивать выход не стоило.

Поездка вышла унылой. В прошлое воскресенье, какую-то неделю назад, она была совсем другой: Кристофер шутил и смеялся, Джозеф ему вторил, тепло-карие глаза матери искрились весельем и даже строгий, серьезный отец не мог сдержать улыбки. Какой разительный контраст! Теперь граф не отрываясь смотрел в окно, графиня – на свои сцепленные в замок руки, а их сын не смел даже рта открыть, чтобы не нарушить скорбное молчание. Кристофер подавил

тяжкий вздох. А ведь младшая сестра еще не знает, что случилось, – письмо не успело дойти до пансиона, и, когда страшные новости станут известны, она окажется с ними совершенно одна. При мысли о том, как будет страдать любимая Маргарет, сердце обливалось кровью.

Карета, дернувшись, остановилась, кучер спрыгнул на землю и открыл дверь. Отец вышел первым, подал руку матери, а Кристофер задержался, перебарывая желание вернуться в особняк. Не хотелось видеть прихожан, слушать шершавый голос пастора, который сегодня, уж конечно, посвятит проповедь тому, как правильно скорбеть и справляться с утратой.

– Милорд? – подал голос кучер, который так и стоял, согнувшись в поклоне.

Родители почти дошли до дверей церкви, и Кристофер, совершив над собой финальное усилие, выбрался из кареты. Гравий насмешливо закрипел под подошвами ботинок, но он решительно направился вперед. Как-нибудь переживет пару часов под бесцеремонными взглядами прихожан. Кристофер едва сдержал усмешку, подумав, что не отказался бы от плотной вуали на шляпе. Жаль, это привилегия женщин. Взять, к примеру, его мать – она скрыла лицо такой густой черной сеткой, что даже дорогу перед собой толком не видела. Зато другие могли заметить лишь скорбный наклон ее головы, но не настоящие эмоции.

Под сводами храма царила прохлада. Пахло немного пылью, немного благовониями и чем-то непривычным, неуловимо сладким. Словно ванильной сдобой, какую готовила по праздникам миссис Кук, бессменная кухарка Мэллоунов. Кристофер огляделся, пытаясь понять, кто или что источает этот аромат, и заметил на соседней, через проход, скамье новые лица. Рядом с семейством торговца мистера Робинсона устроились две незнакомые леди. Одна – с тонким длинным носиком, несколько бледным лицом и русыми волосами – внимательно смотрела на пастора, как раз вставшего за кафедру. Вторая же...

Уже то, что из-под кокетливой зеленой шляпки выглядывали золотистые локоны, было удивительно! Волосы иного, нежели русого, цвета встречались только у тех, в ком текла кровь волшебного народа. Сам Кристофер родился черноволосым. Но подобное отличие означало принадлежность к аристократической семье, а девушка сидела рядом с торговцами, пусть и зажиточными. Он попытался припомнить, в какой из семей Лордов Основателей за последние двадцать лет рождались девочки с проявившейся волшебной кровью, но не смог. Разве что Айделы...

Незнакомка повернула к Кристоферу изящную головку, и его смятение усилилось. Точно не Айдел, у тех глаза – расплавленное золото или янтарь, а у нее оказались голубые, словно летнее небо, и прорезал их узкий кошачий зрачок. О подобном Кристофер только в книгах читал! Неужели это самая настоящая фэйри?! Девушка заметила столь неподобающее для джентльмена проявление интереса, посмотрела осуждающе и гордо отвернулась, но Кристофер мог поклясться: когда их взгляды пересеклись, губы незнакомки дрогнули в улыбке. С этого момента он не мог думать больше ни о ком и ни о чем. Проповедь преподобного Доуса о потерях и любви не задевала его чувств, они устремились в ином направлении.

Когда Кристофер был маленьким, он думал, что и эльфы, и фэйри, и феи – все они живут в чудесном месте, который смертные называли Волшебной Страной, а сам волшебный народ – Дивным Краем. Позднее он узнал, что это не так: эльфы жили в своих, наверное, мирах: с дворами, дворцами, садами, лесами. Они считали себя выше, достойнее, мудрее фэйри, а фей и вовсе презирали.

Сами феи, как и фэйри, встречались везде – на Третьей Дороге, что связывала все уголки Волшебной Страны, в самой Стране и даже в мире смертных. Но большинство фэйри, исключая шелки, старались селиться именно в Дивном Краю. Их Дворы – Благой и Неблагой – по очереди правили под Холмом, и когда-то известнейших из смертных приглашали на их балы и праздники. Кристофер мечтал о подобном приглашении! «Когда-нибудь Королева Благого Двора пригласит и меня!» – думал он, читая очередную легенду о временах, когда волшебство свободно изливалось из Источника, наполняло собой все и пронизывало каждый уголок

любого из миров. Но потом люди запечатали Источник, и волшебные создания начали покидать мир людей: феи уходили на Третью Дорогу, фэйри больше не могли находиться среди смертных дольше семи лет, им обязательно нужно было какое-то время жить в Дивном Краю, тропы стали зарастать травой, и лишь волшебные существа, привязанные к родовым особнякам древнейших семейств, остались в мире смертных.

И вот совсем рядом с Кристофером оказалось удивительное создание! «Как жаль, что правила приличия не позволяют мне обратиться к ней первым! – размышлял он, обводя взглядом прихожан. – Придется ждать, пока кто-нибудь нас представит. Но кто? Разве что Робинсоны...»

В этот момент незнакомка как раз наклонилась к мисс Сьюзан и произнесла что-то, насмешившее младшую дочку торговца. Ее сестра – Джулия – тотчас шикнула на нахалку и украдкой огляделась: не заметил ли кто из почтенного общества недостойного поведения в храме Спасителя?

«Да, пожалуй, они подойдут, – решил Кристофер. – Как же теперь подстроить знакомство?» О приеме в особняке не шло и речи, но посещать светские мероприятия братьям погибших никто не запрещал. Равно как и общаться со знакомыми при случайной встрече... Например, после службы. Что может быть естественнее вежливой соседской беседы с давним партнером семьи? Кристофер улыбнулся своим мыслям и наконец поднял голову, посмотрев на священника. Он не заметил, что златокудрая гостья Робинсонов изучает его самого, с трудом скрывая жадный интерес.

* * *

– Мистер Мэллоун! Сэр! – голос преподобного Доуса настиг Кристофера в тот момент, когда он собрался поприветствовать Питера Робинсона и его дочерей.

Ради этого он даже отказался от возвращения домой в карете, выждал, пока семейство торговца соберется, и теперь, в секунде от столь желанного знакомства...

Кристофер стиснул зубы и повернулся к преподобному. Тот служил в их городке без малого семь лет. Назначенный в пасторат сразу после окончания учебы, мистер Доус смог заслужить любовь прихожан. Хотя проповеди его были скучны, он всегда находил слова поддержки для своей паствы, приходил к больным и здоровым, к умирающим и роженицам, к старикам и детям. Священник старался помочь каждому, и люди отвечали ему искренней привязанностью.

– Спасибо, что задержались, – улыбнулся преподобный. Его орехово-карие глаза лучились теплом, а в голосе звучала благодарность.

Кристофер вежливо улыбнулся в ответ, борясь с желанием оглянуться и узнать, покинули ли храм Робинсоны и их гостья. Мистер Доус не торопился продолжать разговор, изучая его лицо с неприятным вниманием.

– Вы что-то хотели мне сказать, преподобный? – не выдержал Кристофер, секунды казались минутами, и он физически ощущал их неумолимый бег.

– Я заметил, что вы были подавлены во время службы, – произнес Доус, и его высокий лоб прорезала морщинка. – Зная, как вы были близки с братом...

Ни единого мускула не дрогнуло в лице Кристофера. «Близки!» – мог бы с иронией воскликнуть он и удивить этого заботливого человека в черной рясе. Все вокруг думали, что братьев связывают крепкие узы, но на самом деле никакой связи не было. Джозеф завидовал волшебной крови. Злился, что младший вытянул счастливый билет и оставил старшего без наследства. Родись Кристофер обычным, все, что осталось бы у семьи после выхода из Палаты Лордов Основателей, отошло бы Джозефу. Титул, родовой особняк, земли рядом – ни книг, ни собственности в других частях Королевства, ни возможности влиять на жизнь

страны. Для кого-то – предел мечтаний, но по сравнению с тем, чем владела семья... А младший Мэллоун стал бы таким же священником, как Доус. Стоял бы за кафедрой, слегка ссутулив плечи, и по воскресеньям читал бы проповеди, не мечтая о большем.

– Наша семья понесла тяжелую утрату, – проговорил Кристофер, опустив глаза, – но так было угодно Спасителю, – продолжил он, поднимая взгляд, – и со временем мы найдем утешение.

Преподобный вздрогнул, кадык под белым воротничком дернулся.

– Не переживайте, и спасибо за заботу. – Кристофер развернулся и быстро зашагал к выходу. Разочарование жгло грудь – златовласая леди, конечно, уже покинула церковь, но крошечный шанс встретить ее на улице еще оставался. Может, она ждет экипаж?

Солнечный свет, разбитый витражами, сменялся тенью, в воздухе таял, ускользая, тонкий аромат ванили и корицы. Кристофер невольно ускорился, словно этот флер мог привести его к желаемому.

– Мистер Мэллоун! – Оклик догнал его на пороге церкви, когда он уже взялся за ручку двери. – Будьте осторожны.

Кристофер помедлил, не зная, стоит ли отвечать, но все же обернулся. Преподобный стоял на самой границе столба света, и, хотя лицо его скрывала тень, казалось, что выглядит он... нездоровым? Похожий взгляд был у Джозефа, когда тот подхватил лихорадку. Впечатление усилилось, когда преподобный приложил пальцы к вискам и закусил губу, словно сдерживая стон боли.

– И вы, – произнес Кристофер наконец. Створка скрипнула, открываясь, а потом с негромким стуком закрылась.

Церковный двор оказался пуст. Кристофер даже зубами скрипнул от злости, но ничего иного, кроме как идти домой пешком и в одиночестве, не оставалось.

В светлом июльском небе с пронзительным криком проносились ласточки, в живой изгороди звездочками сияли выюнки, ветер гладил траву, поднимавшуюся едва ли не до пояса. Окружающая пастораль постепенно успокоила Кристофера. Разочарование отступило, и он сосредоточился на том, чтобы чуть позже все-таки достичь цели – встретиться с незнакомкой, так похожей на настоящую фэйри.

Когда-то подобные создания жили с людьми бок о бок: торговали волшебными артефактами, сражались под знаменем Короля, объединившего земли, но теперь *Они* остались лишь в сказках и легендах, семейных преданиях Лордов Основателей. Ушли под сень изумрудных холмов и не показываются смертным. Кристофер усмехнулся. Но он-то не обычный смертный! Кровь эльфов, проявившаяся в нем и наградившая синими глазами, подарила ему кое-что еще. Возможность видеть сквозь морок. Все волшебные создания, что населяли дом и сад, были открыты его взору, хотя и не всегда. По своему желанию Добрые Соседи могли скрываться, но пользовались этим нечасто. Они окружали Кристофера сколько он себя помнил и даже раньше – мать рассказывала, как младенец смеялся и радовался чему-то, чего она не видела.

И все же, все же... Кристофер остановился перед воротами в Мэллоун-холл. Одно дело – его домашние феи: винки, брауни, крата и другие. На то они и домашние, чтобы принадлежать особняку и его владельцам, а вот свободных фэйри много столетий никто не видел. С тех пор как люди запечатали Источник Истинного Волшебства, фэйри и феи ослабли, стали столь уязвимы, что перестали приходить в мир смертных, а с ними ушли и настоящие чудеса. Нельзя больше услышать песни волшебных красавиц, полюбоваться на их танцы под луной, и нет больше места настоящим подвигам.

Перед мысленным взором Кристофера вновь возник образ златовласой леди. Он толкнул тяжелую створку ворот и решительно направился в дом. Ему необходимо увидеть ее вновь, и, кажется, он придумал, как все устроить.

Обычно, проходя по коридору, увешанному семейными портретами, Кристофер задерживался у самого первого – с его тезкой, основателем рода. Но не сегодня. Сегодня он прошел мимо старой картины, даже не удостоив ее взглядом. Правда, перед дверью отцовского кабинета пришлось остановиться – путь преграждала крата.

Вид это создание имело вполне человеческий: милая девушка с пышной гривой рыжих кудрей, в простом платье, облегающем точеную фигурку. Фея смотрела куда-то в темный угол под потолком и чем дольше смотрела, тем сильнее хмурила темные брови. Кристофер проследил за ее взглядом и заметил тонкую ниточку паутины, на которую уже налипла пыль. Крата подобное терпеть не могла, недовольство слуг приводило ее в ярость, отчего огонь в камине плевался искрами, а остывшие угольки наливались жаром и оставляли на руках горничных волдыри и ожоги.

– Дали, дай пройти, – Кристофер попытался миновать ее, но та не сдвинулась с места, – пожалуйста! – Фея проказливо улыбнулась, обнажив мелкие жемчужно-белые зубки. – Дали! – От этого холодного оклика крата наконец посторонилась.

Кристофер укоризненно покачал головой и без стука вошел в кабинет, оставив фею за дверью. Он не увидел, как ее зеленые глаза сверкнули обидой, а по волосам побежали злые огненные всполохи.

– Отец. – Кристофер остановился на середине комнаты, давая ему время отложить письмо, и только после кивка подошел к столу.

– Ты вовремя, – он потер переносицу, – я как раз думал о тебе.

Кристофер приподнял брови, одновременно удивленный и заинтересованный. Как ни хотелось сразу перейти к делу, он промолчал. Чутье всегда подсказывало, когда можно пренебречь правилами, а когда лучше следовать им с безукоризненной точностью.

– Мистер Робинсон прислал мне записку. Пишет, что вчера утром ему доставили какой-то новый сорт клубники...

Кристофер еле сдержал торжествующую улыбку – повод сам приплыл к нему в руки! Оставалось только ухватить удачу за хвост и ни за что не упускать. А уж с этим он справится!

* * *

Пока наследник графского титула готовился к визиту, Эбигейл Айвз развлекалась тем, что слушала милую, но пустую болтовню подруг. Джулия, Сьюзан и Мэри обсуждали визит в церковь, а точнее ту его часть, что касалась молодых джентльменов – их облика, их поведения, их взглядов. Разговор неизбежно коснулся и Мэллоунов.

– Впервые после похорон увидела Кристофера, – вздохнула Сьюзан и опустила глаза на вышивку. Та без дела лежала у нее на коленях уже почти час, все время, что леди провели в саду за разговорами.

Эбигейл сделала еще один ровный стежок. Откровенно говоря, она ненавидела вышивку, вязание, да и вообще любое рукоделие, но иногда сделать что-то было проще, чем создать иллюзию. Поэтому вместо того, чтобы окружить себя гламором, Эбигейл честно вышивала зеленый лист папоротника, делая вид, что он интересуется ее куда больше, чем молодые люди вообще и Кристофер Мэллоун в частности.

– Не сказала бы, что он выглядел убитым горем... – На вышивке Джулии за час тоже не прибавилось стежков. – Скорее рассеянным.

– Умер кто-то в графской семье?

– Ах, Мэри! Конечно, вы с сестрой не знаете!

Эбигейл хмыкнула про себя: откуда бы! Они только вчера приехали! Но вместо того чтобы просто рассказать новости, Джулия позволила себе дурацкое замечание, да еще и замол-

чала, выдерживая театральную паузу. Папоротниковый листок обзавелся еще одним ровным стежком, вторым, третьим... Продолжила Джулия только на пятом:

– Неделю назад Джозеф Мэллоун погиб! Его лошадь взбесилась, как только он оказался в седле, – начала брыкаться, прыгать и сбросила его, ударив копытом!

Мэри ахнула и прикрыла рот руками. Ее рукоделие упало в траву, и Эбигейл с трудом сдержалась, чтобы не скорчить брезгливую гримасу. Сестра ведь не знала этого Джозефа, какое ей может быть дело до того, как он умер? Мама, точнее та женщина, что воспитала Эбигейл, говорила, что в обществе важна правильная реакция: улыбка – шутке, слезы – горю, даже если шутка оказалась несмешной, а горе тебя не касалось. Это раздражало, но правила игры Эбигейл запомнила, хотя и следовала им, только когда это было выгодно.

– Зачем же он сел на такую лошадь? – поинтересовалась она.

Подруги и сестра покосились на нее с осуждением. «Какая черствость!» – читалось в глазах Джулии и Сьюзан, «Ты опять меня позоришь!» – в глазах Мэри.

Старшая сестра всегда была правильной девочкой: не читала ничего, кроме пособий по домашнему хозяйству, слушалась родителей, не раскрывала рта, пока к ней не обратятся. Эбигейл это все претило: воспитанная людьми, она совершенно точно знала, кто она на самом деле, и следовать глупым правилам смертных не собиралась. Разве что когда это было выгодно... Впрочем, свою семью Эбигейл любила, они окружили ее заботой и не делали различия между дочерью родной и подкидышем. До семи лет она даже не догадывалась, что не человек, а потом... Эбигейл тряхнула головой, прогоняя воспоминания о болезни и открывшейся правде, и яростно всадила иглу в ткань.

– Это была его любимая лошадь, – вздохнула Сьюзан Робинсон. – Она всегда казалась мне очень спокойной! Джозеф даже катал меня на ней...

От Эбигейл не укрылся быстрый взгляд старшей сестры на младшую. Похоже, та только что выболтала секрет, который мог стоить дочерям торговца репутации. Но куда интереснее звучало то, что смирное животное внезапно взбесилось. Эбигейл нетерпеливо качнула носком – ее деятельной природе была противна сама мысль просто сидеть и ждать. Она уж собиралась зачаровать подруг и лично отправиться к графскому особняку – бродить вокруг и искать встречи, как в сад ступил он.

Кристофер Мэллоун. Юный наследник титула, возможный обладатель уникального дара.

В церкви Эбигейл почти не рассмотрела его, как ни хотелось, но сейчас ничто не мешало. Он двигался очень пластично и был отлично сложен: высокий, гибкий, с широкими плечами и узкой талией. Непослушно-очаровательные черные вихры не сдерживало никакое макассовое масло, темные брови и длинные ресницы подчеркивали синеву глаз, а острые высокие скулы, прямой нос и твердый красиво очерченный подбородок завершали картину. Кровь волшебных созданий проявилась в этом юноше во всем своем великолепии, подарив и волшебство, и внешнюю привлекательность.

– Добрый день, леди, – приветливо улыбнулся он.

– Милорд! – хором откликнулись Джулия и Сьюзан, поспешно поднимаясь и приседая в книксене.

Вместе с ними поднялись и сестры Айвз, но приседать не спешили, ожидая, когда их официально представят. С Кристофером явился глава семейства Робинсонов, ему и выпала честь назвать своих гостей.

– Мисс Мэри Айвз.

Мэллоун вежливо склонил голову.

– Мисс Эбигейл Айвз.

И вновь вежливый поклон, но в этот раз Кристофер задержал взгляд на секунду дольше, чем подобало, интерес вспыхнул в его глазах. Губы Эбигейл тронула скромная улыбка, но в душе она возликовала: Кристофер Мэллоун явно видел ее настоящий облик, а значит, дей-

ствительно обладал первым из талантов синеглазых! Его взгляду открывалось тайное. А если она его обучит – откроется и сокровище.

– Рады знакомству! – хором отозвались сестры Айвз и слаженно сделали книксен.

Кристофер склонился в изящном полупоклоне и приподнял голову, посмотрев прямо в глаза Эбигейл. Налетевший ветер бросил челку ему на лоб, взметнул волосы, вплел в них солнечные лучи. Кончики пальцев закололо: волшебство в его крови оказалось настолько сильно, что она чувствовала его, почти как собственное, но достался ли Кристоферу второй талант? Это предстояло выяснить.

– Что ж, мистер Мэллоун...

Отец семейства явно чувствовал себя не в своей тарелке: бисеринки пота выступали на его блестящей залысине, голову он вжимал в плечи. Наверное, ему было привычнее вести деловые, а не светские беседы, тем более с такими, как Кристофер. Пусть Робинсон и был всего лишь обычным человеком, но он чувствовал, как отличается от него потомок волшебных созданий, а Мэллоун свою силу явно не контролировал.

– Спасибо, что представили меня своим очаровательным гостям, – произнес Кристофер, – проводите, меня, пожалуйста, к оранжерее. Отец говорил, что вам привезли новый сорт клубники, и мне не терпится его увидеть!

– Да! Да, конечно! – с облегчением отозвался торговец. – Пойдемте!

– Леди.

– Милорд.

«Сейчас он уйдет, а я не придумала, как продолжить знакомство!» Эбигейл со скрытой досадой наблюдала за тем, как Кристофер идет прочь. Ей нужен был предлог, чтобы узнать его поближе! Она не для того тряслась в дилижансе и сидела за скучным вышиванием, чтобы упустить свой шанс!

– Мистер Робинсон, могу ли я пригласить вас с семьей и, конечно, гостями на пикник? – Мэллоун произнес это на самой границе сада, так, будто обращался только к торговцу, но слышать его могли все.

Робинсон оглянулся, по глазам и напряженным позам понял, что дочери ждут не просто ответа, а согласия, и кивнул:

– Вы так добры, сэр! Конечно!

Эбигейл оценила изящество хода – Кристофер поставил несчастного отца семейства в безвыходное положение. Даже пожелай тот отказаться – ведь людям его класса не место рядом с высшей аристократией, – он бы не смог. Огорчить дочерей, уронить свое достоинство в глазах гостей – нет, нет, нет! А еще Кристофер сам поймал себя в ловушку – теперь оставалось дожидаться только официального приглашения.

Она улыбнулась. Все шло просто идеально!



Глава 2



Кристофер вернулся домой в приподнятом настроении. Задумка увенчалась успехом: его представили загадочной леди – Эбигейл Айвз. Удивительное имя для фэйри, человеческое. Неужели она такая же полукровка, как он? Наследница какой-нибудь волшебной семьи? Однако подобной фамилии в «Генеалогии семей Лордов Основателей» не значилось, иначе бы Кристофер ее вспомнил. В конце концов, из прежних двадцати четырех семей Лордов осталось всего девять, что не так уж и много.

А еще у нее была сестра, и выглядела она совершенно обычно. Могло ли случиться, что Эбигейл Айвз – чья-то внебрачная дочь? Кристофер слышал о детях, рожденных от порочной связи, иногда их даже признавали, но чаще – отдавали на воспитание кому-то другому: дальним родственникам, лишенным привилегий Лордов, или в чужие семьи. Вдруг Эбигейл Айвз одна из таких?

И никто – никто! – не обращал внимания на удивительную внешность мисс Айвз. Кристофер по себе знал, каково это – обладать отличным от карего цветом глаз, отличным от русого цветом волос. Проявление волшебной крови не оставляло людей равнодушными: они косились, поглядывали, украдкой или открыто рассматривали. Получается, истинный облик девушки видел лишь он? Тогда кто же она? Он не знал никого, кто мог бы окружать себя чарами так легко, – во всяком случае, не теперь, когда волшебство почти исчезло из мира и из крови потомков эльфов, фэйри и фей.

Кристофер прошел в спальню и с облегчением стянул шейный платок, душивший подобно черной удавке. О, каким удовольствием было бы избавиться и от него, и от траурной ленты на рукаве! Но правила приличия требовали обратного. Хорошо хоть, черный костюм можно сменить на темно-серый. Обедать в облачении, подобном тому, что отправилось в шкаф, не хотелось совершенно.

Женщинам и слугам этикет подобной свободы, увы, не оставил, и Кристофер неожиданно почувствовал раздражение, когда увидел мать, закутанную в черный бомбазин. Отец тоже не изменил траурному цвету, и теперь среди их грачиной черноты он чувствовал себя неуютно.

– На выход найди оттенок потемнее, – только и сказал отец, когда Кристофер сел за стол.

Мать промолчала, но осуждение не обязательно высказывать вслух, иногда достаточно и взгляда.

– Хорошо, на пикник надену черный, – произнес Кристофер, берясь за вилку, но воспользоваться ею не успел.

Появился слуга, быстро пересек столовую и почтительно склонился перед отцом. Он старательно скрывал волнение, но голос его выдал – дрогнул, когда пришлось доложить, что в поместье прибыл гость.

– Инспектор Специального Отдела Полиции Ее Королевского Величества – мистер Икабод Роудвуд.

Повисла удивленная тишина.

– Ждет в холле, – добавил слуга, потупив взгляд.

Кристофер и его отец поднялись, за ними, немного помедлив, встала и мать. Жестом приказав ждать, отец стремительным шагом покинул столовую, за ним посеменил слуга. Столь поздний визит, да еще и без приглашения, нарушал все правила приличия, но оставить инспектора за порогом не рискнул бы никто, кроме разве что самой королевы. Кристофер нахмурился: что забыл тут полицейский? Еще и какого-то специального отдела. Он слышал о таком впервые, но по реакции родителей догадался: с такими людьми следует быть вежливым, даже когда не хочется.

В коридоре раздались шаги, и Кристофер повернулся к двери. Инспектор Специального Отдела Полиции Ее Королевского Величества оказался мужчиной всего лет на пять-шесть старше его самого – на вид около двадцати пяти. Невзрачно-русый и кареглазый, на полголовы ниже отца, которому Кристофер не уступал ростом, одетый в дешевый костюм, в смятых и пыльных ботинках, он сжимал в дрожащих руках потертый саквояж и совершенно не производил угрожающего впечатления. Скорее – комичное. Великолепие родового поместья только подчеркивало бедный вид гостя, но, заглянув ему в глаза, Кристофер увидел холодный и дерзкий вызов. Молодость, неопытность, бедность – они не имели никакого значения для того, кто всем сердцем презирал аристократию. Кристофер не знал ничего об инспекторе, но чувствовал, что дружелюбие и любезность отлетят от него, словно горох от стены.

– Мистер Икабод Роудвуд, – представил гостя отец. – Моя жена – графиня Эдит Мэллоун и мой сын – виконт Кристофер Мэллоун.

На слове «виконт» губы инспектора дрогнули, почти скривившись в ироничной усмешке.

– Примите мои соболезнования. – Голос у Икабода Роудвуда оказался под стать внешности, такой же невыразительный.

– Присоединитесь к трапезе? – спросил отец, когда с формальностями было покончено.

Гость обвел взглядом стол, прищурился, сглотнул слюну, но неподкупно задрал острый нос:

– Благодарю, но я слишком устал с дороги.

– Тогда еду подадут вам в комнату. А завтра, когда отдохнете, мы обсудим дело, что привело вас в Мэллоун-холл.

Слуга, повинаясь жесту хозяина, вызволил из пальцев инспектора саквояж и направился прочь. Тому не оставалось ничего иного, как последовать за ним. Дверь закрылась, шаги стихли, и только тогда все сели.

– А я собирался устроить пикник, – негромко произнес Кристофер.

– Вот и устроись. И инспектора с собой заберешь.

Кристофер и бровью не повел, ткнул в поджаристый кусочек говядины, но тот, не пожелав наколоться на вилку, скользнул к краю тарелки. Кажется, визит инспектора пошатнул и без того хрупкое душевное равновесие отца. Его взгляд стал сосредоточенным и мрачным, такой бывал, когда что-то не ладилось с арендаторами или... в Палате. Ни к тем ни к другим делам Кристофера не допускали, – впрочем, не сильно-то ему и хотелось. Просиживанию штанов в кабинете он предпочитал прогулки, охоту, приемы и встречи. Единственное исключение – библиотека. Кристофер любил читать, особенно ему нравились труды о тех днях, когда страной правил Король. Он стал первым правителем объединенного Королевства, принес ему долгие годы мира, остановив набеги захватчиков с севера; он основал первый рыцарский орден, заключил союз с волшебными существами, покровительствовал ремеслам и искусствам... Дни правления Короля виделись Кристоферу воплощенным идеалом. Он даже не пытался отличить вымысел от правды, тем более что в книгах они так причудливо и тесно переплетались, что оставалась только вера в легенду.

Из этого увлечения рыцарством выросла и вторая любовь Кристофера – фехтование на мечах. До девятнадцати лет он занимался с приглашенным учителем три раза в неделю, но в прошлом году старый мастер уехал в солнечную Латинию, а искать нового не стали. Тренировки сошли на нет, навыки владения мечом, и без того средние, стали ухудшаться.

– Ты совсем ничего не съел, – негромко заметила мать.

– Appetit пропал.

Отец вышел из столовой, и Кристофер остался наедине с матерью, закутанной в черное. Находиться рядом не хотелось. После смерти Джозефа она превратилась в тень себя: стала тихой, дрожащей, могла в любой момент заплакать. Вот как сейчас – стоило двери за спиной отца захлопнуться, как глаза матери заблестели от слез, а нос покраснел. Appetit, и без того неважный, совсем исчез. Кристофер жалел мать, но не знал, чем ей помочь, а единственная попытка утешить ее привела к тому, что она заперлась в покоях, не в силах унять истерику. Помог только лауданум.

– Доброй ночи, матушка, – произнес Кристофер, поднимаясь.

Она в ответ слабо улыбнулась.

* * *

В спальне ждала крата. Она лежала на кровати, разметав рыжие кудри по подушкам, но, едва Кристофер переступил порог, села. Движение получилось текучим и плавным, красивым.

– Господин мой, – хитро улыбнулась Дали.

Кристофер сотни раз просил ее не называть его так, язык до мозолей стер, но упрямое создание не обращало на просьбы внимания, а приказывать не хотелось. Она была ему другом, он узнал ее первой из домашних фей, и раньше, до того как Кристофер отправился в школу, а затем в университет, они проводили вместе сутки напролет. Крата играла с ним, гуляла с ним, рассказывала ему истории, а он приносил ей самые свежие сливки и позволял быть собой. Казалось бы, какая мелочь, но Кристофер знал, как жили домашние феи при прошлом Мэллоуне с проявившейся волшебной кровью, знал, что одно его слово может лишить Дали даже тела, оставив лишь обязанность защищать дом и хозяина. Знал и никогда не приказывал. Впрочем, крата знала границы дозволенного, и если и проходилась, то по самому краешку.

– Я же говорил...

– Знаю-знаю, не называть тебя так. – Дали приподняла изящную ладошку и пошевелила пальчиками, показывая свое пренебрежение. – Сегодня ты избегал меня.

– Разве? – Кристофер достал из ящика стола бумагу, чтобы лично написать приглашения.

Обиду в голосе краты он проигнорировал: сосредоточился на тексте, стал прикидывать, на какое время назначить пикник, чтобы гостям не пришлось собираться впопыхах, а слугам – торопиться с готовкой. В качестве места он выбрал старый яблоневоый сад на холме: оттуда открывался живописный вид на городок, а яблони давали достаточно тени, чтобы даже жаркий день сделать приятным.

– Да! – отозвалась Дали. Она поднялась с кровати и, подойдя к Кристоферу, с интересом изучила приглашения. – И даже сейчас тебе куда интереснее писать эти записки, чем общаться со мной!

С этим он поспорить не мог. Ему действительно было не до краты: приглашения требовалось запечатать, найти слугу, который отнесет их адресатам, а еще отдать распоряжения о подготовке закусок. Кристофер занимался подобным второй раз в жизни и чувствовал себя не очень уверенно, куда чаще он становился гостем, причем самым желанным и почетным.

– Прости, – все-таки повинулся Кристофер, не столько раскаиваясь, сколько не желая злить крату. – Но мне сейчас не до праздных бесед!

– Я вижу, – холодно произнесла она, вложив в эту короткую реплику и презрение, и досаду.

Она все чаще обижалась, когда у него не хватало времени на нее, и это одновременно и злило, и огорчало, ведь Кристофер не хотел причинять ей боль, просто теперь, кроме Дали, у него появились и другие интересы! Новые занятия (она терпеть не могла, когда он уезжал на охоту или на приемы), новые люди (пару раз угольки из камина обжигали приятелей из университета, гостивших в Мэллоун-холле), а теперь вот и Эбигейл Айвз, загадка которой не давала Кристоферу покоя.

– Ну, Дали, – начал было он, но фея исчезла: то ли ушла, то ли просто скрылась от взгляда.

Кристофер покачал головой и отправился искать слуг. В большинстве поместий те вечерами собирались на кухне: перемыть посуду, сделать заготовки на завтрашний день, поужинать и, в конце концов, посплетничать. Мэллоун-холл исключением не был, поэтому на кухне Кристофер обнаружил и бессменную властительницу очага миссис Кук, и Стиви, сына конюха, который частенько выполнял работу посыльного, и другую прислугу. Раздав распоряжения, весьма довольный собой Кристофер направился к оранжерее. Он любил ее вязкую теплоту, наполненную ароматами сладких цветов, к тому же чаще всего обиженная крата уходила именно туда. Ссориться с домашними феями не хотелось, следом за Дали могли взбунтоваться и другие, такое уже случалось. Целый месяц пришлось задабривать соседей, оказавшихся совсем не добрыми, – оставлять молоко и каждый день просить прощения.

Краты в оранжерее не оказалось. Зато там, к удивлению Кристофера, обнаружился Икабод Роудвуд. Инспектор тихо шел, даже крался, по засыпанной песком дорожке. Что он искал или от кого прятался, Кристофер не понял, но на всякий случай затаился, осторожно наблюдая за гостем от дверей, пока тот не свернул и не скрылся за толстым стволом пальмы и резными острыми листьями неизвестного растения. Слежка ничего не дала: Роудвуд бродил по оранжерее совершенно бесцельно, он то замирал, разглядывая цветы или недавно вскопанную землю, то шел мимо, едва скользя по ним взглядом. Кристоферу это надоело. Он, уже не таясь, двинулся к инспектору. Когда песок под ногами зашуршал, Роудвуд вздрогнул и обернулся.

– Что вы здесь делаете? – нервно спросил он.

Кристофер вздернул бровь, показывая, что у него гораздо больше прав задать подобный вопрос, но вместо этого вежливо ответил:

– Прогуливаюсь перед сном. – И, выдержав паузу, поинтересовался: – А вы?

Инспектор замялся, метнулся взглядом по сторонам, но никакого предлога не нашел.

– Мне казалось, вы устали с дороги, – участливо продолжил Кристофер, и это неожиданно придало Роудвуду сил.

– Устал! – вызывающе подтвердил он. – Но потом поужинал и решил, что хочу прогуляться, думал, что из оранжереи есть выход в сад!

– Проводить вас?

Гостеприимный тон, столь сладкий, что от него сводило зубы, инспектору не понравился – Кристофер заметил, как гневно дернулась его щека. Роудвуд прекрасно расслышал в медовой доброжелательности предостережение: виконт не потерпит подобного поведения и в следующий раз столь вежлив не будет.

– Спасибо, не стоит. – Инспектор снова, как в столовой, вздернул нос. – Пожалуй, я все-таки пойду спать. Дорогу до спальни я помню.

Кристофер склонил голову, принимая ответ гостя, и, не настаивая на своем предложении, пожелал ему доброй ночи. Ответной любезности не дождался – инспектор ссутулился и ушел.

Удивительная дерзость! Никто в здравом уме не позволил бы себе столь грубо нарушать этикет, находясь в чужом доме. Ни капли уважения к хозяевам... Более того, Роудвуд смотрел на Кристофера так, словно подозревал его в чем-то, что разрушит репутацию и его самого,

и семьи. Словно после этого уже не будет иметь никакого значения, использовал ли инспектор обращение «милорд», когда разговаривал.

«Впрочем, – подумал Кристофер, – какая разница, что воображает себе эта носатая мышь? Что бы он там ни выдумал, отец разберется». Куда приятнее было представлять предстоящий пикник и более близкое знакомство с очаровательной Эбигейл Айвз. Кристофер вспомнил, как скромно та улыбалась и как в этой улыбке сквозило невинное лукавство. Она отличалась от привычных домашних фей, даже от Дали, но была ли она фэйри? Кристоферу очень хотелось это узнать.

* * *

Утро озарило спальню теплыми золотыми лучами. Они лились в окно, разбивались на блики и плясали на полированной поверхности письменного стола, обещая отличную погоду. Кристофер некоторое время лежал, любясь этим великолепием, а потом поднялся – накануне он отправился спать, не записав в дневнике ни строчки, и теперь собирался исправить неприятное последствие собственной лени. Он тщательно описал свои мысли по дороге в церковь, разговор с преподобным и ее – Эбигейл Айвз. Таинственной девушке Кристофер посвятил два полных листа, но затем вернулся к продолжению дня, педантично описав и ссору с Дали, и приезд Икабода Роудвуда, и его странную прогулку по оранжерее.

Кстати, о Роудвуде...

Вечером Кристофер и не вспомнил, что отец просил пригласить инспектора на пикник, но необходимость сделать это никуда не пропала. Совершенно не хотелось портить веселую встречу присутствием нервного, невзрачного и враждебного человека, но ничего не попишешь. Поэтому, закончив с дневником и убрав его в ящичек, закрывающийся на ключ, Кристофер умылся, переоделся в дневной домашний костюм и отправился искать инспектора.

Обнаружился он в малой столовой, которую традиционно накрывали для завтрака, и, что удивительно, в одиночестве. Роудвуд с завидным аппетитом уплетал глазунью с беконом и воздушные булочки – они одна за другой исчезали с подноса.

– Доброе утро, мистер Роудвуд. Рад, что ваша усталость прошла! – поприветствовал его Кристофер.

Инспектор, тянувшийся к последней булочке, замер, но потом все-таки забрал ее и ответил:

– Доброе утро... милорд. – Пауза и тон ясно дали понять, что обращение – лишь дань этикету. Зато о булочках Роудвуд отозвался куда теплее. – Очень вкусно! Ваша кухарка заслуживает восхищения!

Это Кристофер знал и без инспектора, но все равно поблагодарил его за комплимент. Попросив служанку, которая незаметно явилась в столовую, принести завтрак и ему, он сразу перешел к делу:

– Мистер Роудвуд, сегодня, в четыре часа дня, я приглашаю вас на пикник. Буду очень рад, если вы согласитесь.

«А еще больше, если нет!»

Но Роудвуд, похоже, умел читать мысли, потому что согласился:

– Действительно? С удовольствием!

Служанка принесла кофе, тосты, мисочку с джемом и блюдо с маслом, поставила все перед Кристофером и снова исчезла.

– Любите кофе? – поинтересовался инспектор, наблюдая за ним.

– Очень! А вы?

– Терпеть не могу. Не понимаю, что люди находят в этой горько-кислой бурде!

Кристофер аккуратно намазал маслом тост, добавил джема. Ничего хорошего от человека, который столь нелестно отзывался о кофе, ждать не приходилось. Произносить это вслух он не собирался и надеялся, что молчание не оказалось красноречивее слов.

– Мистер Роудвуд! – Отец широким шагом ступил в столовую и сразу же направился к столу. – Вижу, вы уже позавтракали? Надеюсь, все понравилось?

С ним инспектор повел себя куда вежливее: встал, поклонился, пожал протянутую руку, и все это не с кислой заносчивой миной, а с улыбкой. Впрочем, глаза его оставались холодны, как угли в давно прогоревшем камине.

– Да, ваша милость!

– Прекрасно! Прошу вас, пройдемте в мой кабинет, угощу вас отличной сигарой, а вы расскажете мне о цели визита.

Сына граф не позвал. Роудвуд это явно подметил: кинул на Кристофера быстрый пристальный взгляд, после чего последовал за отцом. Кристофер остался в столовой один. Сделал небольшой плоток кофе и задумчиво прищурился: причина, по которой инспектор явился в Мэллоун-холл, вряд ли была серьезной, но, кажется, касалась его. Кристофер попытался вспомнить, ловили ли его в университете за чем-то предосудительным. Ни пьянки, ни развлечения в компании сомнительных девиц, ни драки не попадали в поле зрения профессоров, к тому же подобное обыденно для аристократии Королевства, даже полиция смотрит на все это сквозь пальцы... Тогда что? Так ничего и не надумав, Кристофер допил кофе, поднялся и решил, что рано или поздно узнает, в чем дело, а значит, побеспокоиться стоит о куда более важных вещах – о подготовке к пикнику.

Он проинспектировал кухню, где миссис Кук колдовала над закусками, проверил, готовы ли экипажи, – слуги как раз заканчивали полировать дверцы, а мальчишка-посыльный сам доложил, что задание успешно выполнено. Кристоферу очень хотелось узнать, видел ли Стиви мисс Айвз, но такой вопрос прозвучал бы странно, к тому же сомнительно, что обычный человек разглядит волшебную внешность фэйри. Все это заняло едва ли час, до пикника же оставалось еще три, и Кристофер с удовольствием ускорил бы время, которое, как назло, стало тянуться еще медленнее.

* * *

В доме же Робинсонов кипели страсти. Девушки, приглашенные на пикник самым завидным женихом если не королевства, то как минимум графства, суетливо прихорашивались. Из платяных шкафов они извлекали самые красивые и модные наряды, из шляпных коробок – капоры; а еще ленты, парасоли, шатлены, перчатки и украшения.

Эбигейл Айвз наблюдала за этим с ироничной усмешкой, которая моментально сменялась на дружеское участие, стоило кому-то к ней обратиться. Возня девушек заставляла ее скучать, хотя чем ближе становился час встречи с Мэллоуном, тем больше усиливалась внутренняя дрожь – нечто среднее между тревогой и предвкушением веселого приключения.

– Лучше бежевый или бежевый с золотистым? – Сьюзан показала один капор, потом второй и нетерпеливо закусила губу.

С точки зрения Эбигейл, оба головных убора ничуть не украшали младшую дочь торговца, а фасон их устарел еще два года тому назад, поэтому капор она выбрала наугад.

– Левый, то есть бежевый.

Сьюзан просияла и убежала, но явилась Джулия. Она вела себя сдержаннее – все-таки старшая, к тому же ее туалет для прогулки почти подобрали, оставалось определиться с украшениями.

– Я решила ограничиться брошью, – посвятила она Эбигейл в свои планы. – С камеей или с сердоликом?

– С сердоликом, – не стала изменять себе Айвз, но Джулия, вместо того чтобы уйти, присела рядом и поинтересовалась:

– А как же твой наряд?

Платья Эбигейл не любила, как и все то, что приходилось надевать до, – сорочку, чулки, корсет, нижние юбки и далее. В полном облачении леди она чувствовала себя не то закованной, не то замурованной: одежда человеческих женщин мешала дышать, мешала двигаться, а весила, наверное, как стальные доспехи. Куда больше ей нравились облегающие брюки и свободные блузы, но выйти в свет в подобном означало уничтожить репутацию. За свою-то Эбигейл не переживала, но у нее были сестра и родители, поэтому там, где сложно было скрыть вызывающую одежду гламором, приходилось использовать настоящую. К сожалению, пикник из таких ситуаций: вокруг много людей и предметов, и, вместо того чтобы следить за реалистичностью иллюзии, проще пострадать в корсете и турнюре. Она помнила, какое лицо было у гостыи родителей, когда она заметила, что юбки Эбигейл прошли сквозь стул, не задев его, и какое – у мамы и сестры. О-о, после того случая ей читали нотации несколько часов и в итоге заставили пообещать, что дома и при гостях – никакого лишнего гламора.

– Мой уже готов.

Эбигейл не обманывала: прогулочное платье из зеленого шелка и очаровательная шляпка-тилт с павлиньим пером ждали ее в комнате. Сестра, конечно, будет недовольна: и материал наряда, и фасон шляпки противоречили рекомендациям из пособий «для настоящих леди», которыми зачитывалась Мэри. Эбигейл не сомневалась, что она выберет что-то хлопковое, практичное и неброское. К тому же цвет... Изумрудный – цвет травы, листвы и волшебства – всегда казался сестре лишним напоминанием о том, *кто* такая Эбигейл. Да, люди ее вырастили и воспитали, но одно дело – скрывать нечеловеческую природу, а другое – играть с ней.

А Эбигейл играть любила. В леди, в простолюдинку, в человека, в фею.

Но сейчас ставки в игре были слишком высоки, чтобы оставаться легкомысленной. Она нуждалась в Мэллоуне, точнее не в нем, а в его талантах, и если он обладал ими в полной мере... У Эбигейл сердце забилося быстрее от одной мысли о том, какая ее ждет награда!

– Тогда пора одеваться. Помочь тебе?

С первым Айвз согласилась, от второго вежливо отказалась, уверив Джулию, что ей поможет сестра.

Вопреки ожиданиям, Мэри про цвет платья ничего не сказала, лишь поджала губы и покачала головой. А жаль: Эбигейл с удовольствием ввязалась бы в маленький спор, а то и в ссору, это стало бы отличным лекарством от нервной дрожи ожидания. Но провоцировать других она не пожелала, поэтому накинула легкий гламор, скрывая истинный цвет наряда от всех, кто не обладал волшебным даром. То есть от всех, кроме Кристофера Мэллоуна.

Первой приближающийся экипаж заметила Сюзан – она специально поднялась в библиотеку, откуда открывался лучший вид на дорогу. Едва переполненная приятным возбуждением девушка вбежала в комнату, где ожидали остальные приглашенные, как стало слышно приглушенный топот копыт и стук колес. Робинсоны, а с ними и сестры Айвз вышли во двор, образовав небольшое столпотворение: Сюзан рвалась вперед, ее пыталась удержать Джулия, и обе мешали отцу пройти к калитке. Эбигейл благоразумно держалась позади, точно зная, что без нее экипаж с места не тронется.

Когда недоразумение с толкотней разрешилось, обнаружилось, что вместе с Мэллоуном в ландо приехал незнакомый молодой мужчина. Всем своим видом он показывал, как ему некомфортно: морщился, кривил губы, даже отвечал на приветствия торговца и его семьи неохотно. И все-таки в глубине бледно-карих глаз мелькал, словно проблеск монетки в воде, интерес.

Незнакомца звали Икабод Роудвуд, служил он в некоем Специальном Отделе Полиции Ее Королевского Величества. Звучало это внушительно, поэтому Робинсоны преисполнились уважения. А вот денежное довольствие отдела – судя по стоптанным ботинкам и поношенному костюму гостя – было так себе, или, что вероятнее, инспектора стояли в самом низу его иерархии. На Эбигейл мистер Роудвуд обратил такое же внимание, как и на Джулию со Сюзан, то есть никакое: кивнул, пробормотал что-то вроде «очень приятно» и тут же отвернулся. Хам!

Покончив с представлением, все загрузились в экипажи, и они бодро покатали к выбранному для пикника месту.

Эбигейл села напротив Мэллоуна, с ней этой чести удостоилась Сюзан, а во втором экипаже разместились остальные Робинсоны вместе с Мэри. Роудвуд сидел рядом с виконтом, и вскоре Эбигейл заметила, что впечатление рассеянности и недовольства, которое он создавал, обманчиво. Господин инспектор внимательно слушал каждое слово Мэллоуна. Пусть тот и не был многословен из-за трескотни Сюзан, но долг вежливости не позволял ему совсем отмалчиваться. Едва у младшей дочери торговца заканчивался воздух в легких и она брала паузу, как он заполнял ее, умело направляя разговор.

– Как жаль, что мистер Джозеф не с нами! – бестактно заявила Сюзан, и Эбигейл заметила, как хищно блеснули глаза Роудвуда. – Ох! Что это я! Простите!

– Все хорошо, мисс Робинсон, – смиренно произнес Кристофер, и понять, испытывает ли он раздражение или огорчение, было невозможно. – Гибель моего брата – это большой удар для нас, но Спаситель учит смирению.

Эбигейл с трудом удержалась от того, чтобы не склонить голову к плечу, скептически изломив бровь, а вот господин инспектор подобной выдержкой похвастаться не мог: он отвернулся от Мэллоуна и скривился так, словно хлебнул уксуса. Впрочем, заметила это только Эбигейл, наблюдавшая за ним, а Сюзан смотрела лишь на Мэллоуна и, судя по глупому лицу, не видела больше ничего.

На поляне, к удивлению гостей, все уже подготовили: на траве под старыми яблонями расстелили покрывала, на них изящно расставили блюда с закусками и графины с домашним лимонадом. По центру возвышалась корзина с фруктами; над ней вилась одинокая оса, не решаясь присесть, и ее басовитое жужжание ярко выделялось из оркестра кузнечиков и шелеста листвы. Эбигейл с удовольствием подставила лицо ветерку, вдыхая приятный запах нагретой земли и зелени. От места, где остановились экипажи, до самой полянки пришлось пройти, и Эбигейл успела пожалеть, что облачилась в одежду «настоящей леди», в блузе сейчас было бы куда комфортнее. Но она не могла не признать: место Мэллоун нашел чудесное. Отсюда открывался сказочный вид на Мэллоуншир с его черепичными крышами, домиками, увитыми диким виноградом и плющом, и старой церковью с острым шпилем. За городком начинались поля и фермы, но разглядеть их отсюда не представлялось возможным.

– Очень красиво, – поделилась Эбигейл с Кристофером.

– Весной, когда деревья в цвету, здесь еще лучше, – отозвался тот.

Эбигейл немного повернулась к нему. Удивительно, но виконт смотрел не на нее, а на пейзаж, тень от шляпы падала на острые скулы, но подбородок и по-юношески пухлые капризные губы освещало солнце. Избалованные мальчишки, выросшие в семьях, где состояние и титул были заслугами исключительно предков, раздражали Эбигейл. Они хотели самых простых развлечений, стремились к самым простым радостям, несли самые косные взгляды. Им было не интересно, как так получилось, что сама история их семей превратилась в предания. Они не искали правды. Если Кристофер Мэллоун из того же теста, это сильно усложнит все дело. И сейчас, и в дальнейшем.

– Охотно вам верю.

Эбигейл повернулась спиной к городку и заметила, что к пикнику присоединился еще один неожиданный гость.

Преподобный Доус.

Он, стоя под яблоней, разговаривал с мистером Робинсоном и выглядел слегка растерянным. «Наверное, просто проходил мимо», – решила Эбигейл, приглядываясь к святому отцу повнимательнее. Без церковного облачения он казался не таким недосыгаемым и строгим. Обычный мужчина, который вышел на прогулку и случайно встретил знакомых, и все-таки что-то Эбигейл смущало. Словно она приблизилась к краю, словно, гуляя по Третьей Дороге, уловила запах бегоний...

– Мистер Доус! – приветливо окликнул священника Мэллоун, и тот повернулся.

Глаза полыхнули желтым, всего на миг, на долю секунды, но Эбигейл успела это заметить. Доус заморгал, коснулся века, прищурился и вновь устремил взгляд на Кристофера. «Нет! Он смотрел на меня!» – поняла Эбигейл, когда пастор снова заморгал и принялся тереть глаза, будто бы из-за соринки.

– Ох, прошу прощения, – наконец произнес Доус, подходя ближе и протягивая руку для пожатия. – Вижу, вы решили устроить праздник. – В голосе зазвучали нотки отеческого осуждения.

– Лишь встречу друзей, чтобы поддержать меня в это нелегкое время, – не поддался Мэллоун. – Присоединитесь? Мы все будем очень рады вашему обществу.

Доус повернулся к Эбигейл, и она почувствовала, теперь уже наяву, тонкий медовый аромат цветущих бегоний.

Флер этот был вечным спутником тварей столь жестоких и ненасытных, что им не нашлось места даже при Неблагом Дворе.

– Преподобный Дадли Доус. Мисс Эбигейл Айвз.

– Очень приятно, мисс.

– Взаимно, – промурлыкала Эбигейл и, не сводя взгляда со священника, сделала книксен.

В ее голове начала складываться идеальная комбинация для того, чтобы проверить Кристофера. Пастору в ней отводилась ключевая роль. Нужно было лишь немного подтолкнуть святошу к нужной тропе.

К его настоящей сути.

* * *

Кристофер мог собой гордиться – пикник проходил просто идеально! Ни кислое лицо Роудвуда, ни внезапное появление Доуса не смогли его испортить, и, хотя Кристоферу, как зачинщику мероприятия, приходилось следить за тем, чтобы закуски вовремя появлялись на скатерти, графины заново наполнялись лимонадом, слуги были достаточно незаметны, а разговоры – веселы, своей цели он достиг. Эбигейл Айвз рядом, он может наблюдать за ней. К сожалению – и только.

Загадочная девушка делала все, чтобы не оставаться с ним один на один. Неизменно она оказывалась рядом с сестрой, или с инспектором, или с Доусом, или со Сьюзан. А Кристоферу так хотелось узнать, фэйри ли она! Увидев ее, окутанную зеленым шелком, в кокетливой шляпке с павлиньим пером, он едва сдержал удивленно-восхищенный вздох – ни одна леди не посмела бы надеть подобный наряд на пикник! Ее смелость поражала, но на мисс Айвз никто не бросал косых взглядов, не поджимал завистливо губы, а значит, цвет платья, как и необычная внешность, оставались для других людей секретом. Единственным, кто заподозрил неладное, оказался пастор Доус: смотря на нее, он почти всегда шурился, словно не мог ее хорошенько разглядеть.

– Как вы, преподобный? – спросил Кристофер.

Стоило ему приблизиться, как мисс Айвз упорхнула на другую сторону к сестре. Сердце цапнул острый коготок раздражения, пока один, но Кристофер чувствовал: еще немного –

и их станет больше. А ей эта игра в догонялки, кажется, нравилась – вот, одарила его мимолетной лукавой улыбкой.

– Неплохо, спасибо.

Кристофер посмотрел на пастора, но уличать того во лжи не стал, хотя и мог. Несмотря на освежающий ветер, волосы на лбу и висках преподобного промокли от пота. Он опять взглянул на мисс Айвз и тут же прикрыл глаза, лицо его побледнело, словно бы дурное самочувствие резко стало еще хуже.

– Выпейте прохладного, – все-таки посоветовал Кристофер, – от жары спасает.

Ему самому жарко не было, солнце клонилось к западу, и полуденный зной давно спал.

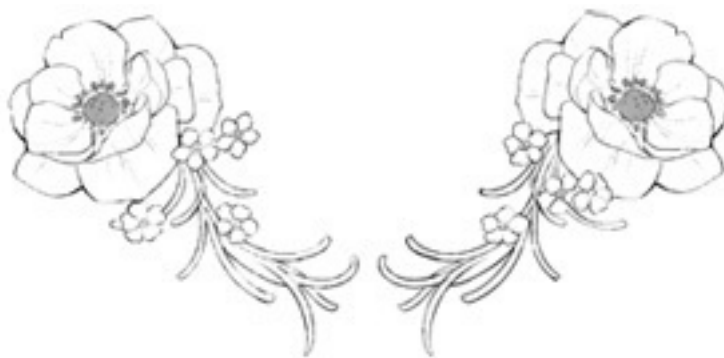
– Я бы подарил ей букет из дурмана и лаванды! – пробормотал пастор. – Пожалуй, вы правы, лимонад со льдом – это то, что мне нужно...

Кристофер вновь перевел взгляд на мисс Айвз. Тонкий шелк ее платья поблескивал изумрудно-золотыми искрами, перо в шляпке покачивалось. Сейчас она казалась удивительно земной: забавно морщила носик, откусывая пирожное, раздраженно сдувала непослушную выбившуюся прядь, поводила лопатками, устав от тесного корсета, – так же делала и его сестра. Разве свободные фэйри такие? Те, кто приходят Тропой меж папоротников? Те, кто кружатся в танце под луной и увлекают в него смертных?

Кристофер вспомнил, как преподобный говорил о цветах, и огляделся, ища его взглядом, но Доус пропал, ушел, не попрощавшись. Жаль, ведь слова о букете из дурмана и лаванды означали, что пастор что-то знает. Интересно что?



Глава 3



Дома Кристофера ждала неожиданность, имя ей было Маргарет, Маргарет Мэллоун. В пансионе, где училась будущая леди, разразилась эпидемия кори, и дирекция приняла решение отправить всех, кого можно, по домам. В дороге Маргарет разминулась с письмом, и известие о смерти старшего брата настигло ее только сейчас.

Теперь Кристофер стоял перед дверью в ее комнату, не решаясь войти, и слушал приглушенные рыдания. Из всей семьи он особенно любил Маргарет – не отца с его восхищением волшебной кровью, не кроткую матушку, которая равно обожала каждого из детей, и, уж конечно, не старшего брата. Именно Маргарет. Когда Кристофер увидел пищавший сверток, откуда выглядывало сморщенное личико, он испытал восторг, в то время как Джозеф брезгливо скривился и поспешил прочь из комнаты. Все детство Кристофер рассказывал сестре сказки, гулял с ней по аллеям и саду, заплетал волосы и первым утешал в ее маленьких детских горестях, в то время как Джозеф пугал, задира, дразнил. И все-таки Маргарет тянулась именно к нему.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.